

Оспопрививание в Оренбургской губернии

С.В. Голикова

Институт истории и археологии УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

Автор изучает историю оспопрививания в Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв., которая рассматривается им на фоне заболеваемости оспой. Развитие иммунизации от оспы на этой восточной окраине характеризовалось положительной (хотя и нестабильной) динамикой и медленными, чем в Европейской России, темпами. Причины сложившегося положения крылись в организационных неурядицах и наличии многочисленных антипрививочников (инородцы, казаки, старообрядцы, переселенцы). Первая мировая война негативно повлияла на результаты иммунизации и развитие эпидемий оспы в крае.

Ключевые слова: вакцинация, эпидемия, иммунизация, оспа, оспенный детрит, Оренбургская губерния

Для цитирования: Голикова С.В. Оспопрививание в Оренбургской губернии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.60–77. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.60-77>

Последние крупные изменения в составе Оренбургской губернии, следствием которых стало появление в России в 1865 г. новой административно-территориальной единицы – отделение Уфимской губернии, включение Оренбургского казачьего войска и упразднение кантонной системы управления у башкир, несомненно, являются частью Великих реформ. Тогда реформированию подверглось многое, в том числе и оспопрививание. Оно было передано местному самоуправлению, и его функционирование и дальнейшее распространение все меньше опиралось на принуждение. Оренбургская губерния в новых границах, единственная из уральских не имевшая до 1912 г. земства, вошла во второй эшелон губерний, где развивалась вакцинация от натуральной оспы в крае.

Этим значение ее исторического опыта в данной сфере не ограничивается, поскольку в примерно таких же условиях находились огромные территории и проживающее на них значительное население так называемой «Азиатской России». При недостаточной изученности такого явления, как вакцинация от оспы на региональном уровне (даже в земских губерниях и в пореформенный период), обращение к его истории в Оренбуржье расширяет представления об иммунопрофилактике в России.

Вышеперечисленные события наложились на кризис оспопрививания, который к середине 1860-х гг. обозначился во всем мире: человеческая («гуманизированная») лимфа, ставшая после признания открытия

Э.Дженнера основным прививочным материалом, дискредитировала себя (выяснилось, что через нее передавался ряд заболеваний, в первую очередь сифилис), а превалирующая технология прививки – «с ручки на ручку» – давала мало даже такой опасной субстанции. Кроме того, лимфа быстро портилась, довольно скоро инактивировалась – теряла способность прививаться (и ее приходилось обновлять с помощью, как оказалось, редко встречающейся коровьей оспы). С таким средством на обширных территориях России не приходилось надеяться на поголовную вакцинацию. Привиться от оспы было проще в городах, особенно столичных, в которых существовали воспитательные дома. Принимаемых в них младенцев обязательно вакцинировали, и детская «ручка», с которой можно снять оспенную «материю», имела там почти всегда (тем более для этого не требовалось согласия родителей). Огромные воспитательные дома обеих столиц стали главным поставщиком человеческой лимфы и в провинцию, но до сельской, особенно окраинной местности она редко доходила свежей и в достаточном количестве. Вакцинация застопорилась благодаря растущему сопротивлению ретроградов, скепсису образованных лиц и равнодушию основной массы населения.

1870-е гг., в которые мир вступил с недоверием к старому и в поисках нового прививочного материала, озаменовались крупными и грозными оспенными эпидемиями. Достигли Оренбургской губернии. У жителей села Слоновка Оренбургского уезда, по данным И.Невского, дети гибли от оспы в 1872–1873, 1875 и 1878 гг. [18, с.660]. «Не первый год такое бедствие постигает наше селение: редко проходит год, чтобы не было оспы...», – соглашался с его сведениями священник Д.Синицкий [38, с.704]. Эпидемически неблагополучными Н.И. Летуновский называл весну и лето 1872 г. Тогда медики выявили 1502 заболевших, но инфекция «протекала большей частью в легкой форме», и умерших насчитали 310 человек [16, с.200–202]. В январском номере следующего года в «Оренбургских епархиальных ведомостях» предупреждали об «основательном поводе опасаться большого развития появившейся у нас оспенной эпидемии» [17, с.45]. Однако уровень заболеваемости оказался ниже, были лишь эпидемические очаги. Один из них описывал священник Синицкий: «Уже несколько месяцев как оспа существует в нашем селении. Много детей умерло от нее; нет того дня, чтобы не пришлось похоронить несколько детей, умерших от оспы. Некоторые родители в короткое время лишились нескольких детей. Жаль смотреть на бедных детей: не день и не два они страдали, а многие – двенадцать, пятнадцать, некоторые даже восемнадцать дней горели от оспы...» [38, с.703].

В 1875 г. подъем заболеваемости продолжался с лета до конца года, оспа протекала в более тяжелой форме (с температурой до 40–41°C и выше, бредом и коматозным состоянием) и дала весьма значительный процент смертности: из 1148 заразившихся умерло 714 человек [15, с.200–202]. В Оренбургском уезде эпидемия «свирепствовала» по всему Гнез-

довскому приходу и среди жителей станицы Донецкой «унесла в могилу много малюток», а оставшихся в живых превращала в калек: они «по выздоровлении делались слепыми» [52, с.591; 53, с.563]. Подсчитанные Летуновским цифры летальности оспы – 62,1% от всех заболевших ею и 61,7% от всех умерших в тот год – дают представление о высокой вирулентности возбудителя [15, с.201].

В следующем году эпидемическая волна пошла на спад, который продолжился и в 1877 г., однако с неприятной особенностью. Медицинский департамент МВД отмечал: «...течение болезни было вообще менее тяжкое, чем в прошлом году, но дети моложе года не переносили ее и погибали в самом первом периоде» [25, с.8]. Всего за год было выявлено 134 больных, половина которых (68 человек) погибла (то есть процент смертности, в отличие от уровня заболеваемости, не спадал), тогда назвали единственный эпидемический очаг – оспа «господствовала» в Донецком юрте Оренбургского уезда «между детьми киргизов до 10-летнего возраста» [25, с.11]. Летуновский заявлял, что «более широкому проявлению эпидемии натуральной оспы в здешней губернии благоприятствует то обстоятельство, что многие жители ее, особенно инородцы, не сознают важности прививки предохранительной оспы» [15, с.202]. Уклоняясь от этой профилактической меры, они становились жертвами эпидемии и способствовали ее распространению среди местного православного населения. По данным клира станицы Донецкой (иное название того же юрта), на эту инфекцию, возникшую в августе и продолжавшуюся всю осень, пришлось 9% умерших за весь год [53, с.563]. К концу десятилетия уровень заболеваемости варьировался, а смертность оставалась высокой: в 1878 г. из 1773 больных умерло 787 [26, с.10]. В следующем году территория распространения болезни сократилась – она «преимущественно наблюдалась в Оренбургском и отчасти в Орском уезде» – и число заболевших ею уменьшилось: в первом – болело 434, во втором – всего 30 человек. Однако доля смертных случаев составила в Оренбургском уезде 56,91%, а в Орском – 63,33% [27, с.28].

«Оренбургские епархиальные ведомости» самым надежным средством защиты от заражения натуральной оспой считали «привитие предохранительной оспы (вакцинацию) и повторение этой меры (ревакцинацию)». Однако население, на личном опыте познав дефекты человеческой лимфы, не спешило с ними согласиться. «Крестьяне, – заключал отчет медицинского департамента МВД, основанный на донесениях врачей губернии, – на эту меру не обращают внимание и не видят в ней средства, могущего сохранить жизнь или, по крайней мере, здоровье ребенка...». «Если случится, что после привития предохранительной оспы ребенок заболеет натуральной, – говорилось далее в отчете, – крестьяне прямо выводят заключение, что оспопрививание ни к чему не ведет и можно обойтись без него» [27, с.28].

С медиками в оценке взглядов прихожан были согласны священники: Д.Синицкий в своем «Наставлении...» разбирал типичный случай: «...вот, говорите вы, такому-то прививали оспу, а натуральная таки была». И хотя

врачи считали, что «ни доводы и советы, ни последствия натуральной оспы» сельское население губернии не убеждали, батюшка искал для своей паствы «рациональные объяснения подобных случайностей». «Бывает, – говорил он, – но только в таком случае, если прививная или вовсе не привилась, или слабо привилась, а это бывает от того, что не поберегли дитя и застудили оспу, или, быть может, оспа была несвежая». Главным же его аргументом стал следующий: «После первого неудачного привития можно привить оспу второй и даже третий раз». В заключении он констатировал: «...с того времени, как нашли этот способ, и разумные люди стали прививать оспу, – с того времени редко случается, чтоб какое дитя померло от оспы у сколько-нибудь образованного человека. Только простолюдины до сих пор все еще бедствуют от этой болезни» [38, с.704–706].

При росте противодействия широких слоев населения губернии вакцинации, ее следовало, скорее, рассматривать как меру борьбы с эпидемией, а не меру ее предотвращения. Силы прививочной кампании были направлены в районы, наиболее сильно страдавшие от инфекции, и здесь, по оценке медицинского департамента МВД, она в 1879 г. проходила «порядочно»: 142 оспопрививателям удалось привить 26922 лиц, то есть каждый из них в среднем сделал до 190 удачных прививок [27, с.28]. Далеким от профилактики ее значение оставалось и в следующем десятилетии, когда перспективы нового прививочного материала стали проявляться. Переход от гуманизированной лимфы на животные вакцины породил массу вопросов: достаточно неплохо у человека приживалась свежая телячья лимфа, но прививать ею приходилось прямо с живого теленка всего несколько дней; она также плохо сохраняла свои свойства (как при пересылке, так и при заражении ею новых животных в оспенном телятнике) и передавала ряд заболеваний. Способ получения оспенного детрита путем соскабливания пустул с живота привитого теленка был предложен еще в 1870-е гг., но еще предстояло решить проблемы длительного хранения и обеззараживания этого являвшегося продуктом распада оспенных пустул препарата, прежде чем он занял место основного прививочного материала. Пока же в Оренбургской губернии продолжали обходиться человеческой лимфой и традиционными средствами давления. Медицинский департамент МВД отмечал: «Почти постоянно приходится оспопрививателям прививать оспу и снимать лимфу с привитого для привития другим, с помощью сельской полиции» [27, с.28]. Привлекать последнюю разрешалось только в период эпидемии.

В 1881 г. удалось вакцинировать более 30 тыс. человек [28, с.55], и вокруг этой цифры число привитых держалось первую половину-середину 1880-х гг., а эпидемический процесс шел своим чередом, породив крупнейшую вспышку 1882 г., когда было зафиксировано 3548 заразившихся и 1343 умерших, то есть летальность составила 37,8%. Медики считали, что инфекцию из внутренних губерний занесли крестьяне-переселенцы [29, с.23, 39]. Затем три года продолжался спад, сменившийся в 1886 г. подъе-

мом с пиком в следующем году, который по размерам заболеваемости (1763 человека) и смертности (727 человек) оказался вдвое меньше значений 1882 г. [19, с. 39]. Доля смертей также варьировалась, но ниже одной пятой части заболевших не опускалась и в 1889 г. являлась практически аналогичной 1882 г., равняясь 38%. К этому времени произошли подвижки в использовании прививочного материала: в Оренбуржье переходили на телячий детрит, получая его из столицы от Вольного экономического общества. Медицинское начальство, однако, не удовлетворяло его качество и отсутствие средств как на покупку препарата у земских или частных поставщиков, так и на «устройство телятников в двух-трех пунктах губернии для снабжения свежей оспенной лимфой врачей, фельдшеров и оспопрививателей» [30, с.37].

Последнее власти исправили довольно быстро: в 1886 г. открывается войсковой телятник в г. Уральске, который «в усиленных размерах» начинает заниматься оспопрививанием среди казачества [1, с.186]. Преобразование в 1888 г. штата сельской врачебной части губернии позволило в следующем году открыть телятник в г. Оренбурге и получать детрит непосредственно на месте [21, с.38]. Новый материал для вакцинации существенно повысил процент прививаемости и сделал целесообразным для контроля за ней подсчет неуспешных случаев. По данным «Обзоров Оренбургской губернии» конца 1880-х гг., на их долю приходилось всего 2,23–2,67% [20, с.42; 21, с.38]. Рост числа привитых, достигнув в 1888 г. почти 34 тыс. человек, а в следующем перевалив за 36 тыс. [20, с.42; 21, с.38], все четче выявлял не расположенные к постановке прививок группы населения. Пока власти беспокоили элементы, ведущие кочевой образ жизни, к которому в условиях колонизации данной территории прибегали и мигранты. «Обзор...» за 1888 г. сообщал: «...инородцы и разного рода переселенцы, не имеющие оседлости в губернии, тоже не прививают предохранительную оспу детям, с которыми блуждают по целой губернии». «Эти то бездомные», по мнению его составителей, служили «главными факторами распространения заразы». Однако пристальное внимание местной администрации приходилось уделять и приверженцам старой веры, также уклонявшимся от вакцинации своих детей. Процедуру прививки они приравнивали к постановке печати антихриста и саму иммунопрофилактику от оспы считали грехом [20, с.46; 21, с.40]. «Как на признак пришествия антихриста» указывали на привитие оспы старообрядцы Костылевского прихода Челябинского уезда. Деревни Клоктухина и Белоногова, в которых они проживали, оставались «местом постоянной оспенной эпидемии» и служили «центром распространения заразы». Этим вредное влияние на эпидемическую ситуацию староверческой идеологии не исчерпывалось, поскольку, по словам местного клира, «живя среди раскольников, и православные твердо держатся того мнения, что оспа – “печать антихриста” и прививать ее детям, значит добровольно отдавать их на служение ему» [13, с.583–584].

Вакцинофобии было подвержено и казачество, традиционно в Оренбуржье исповедовавшее единоверие и раскол. Н. Бородин признавал, что иммунизация остается «в войске пока еще только в зародыше» именно по этой причине: «...казаки до сего времени относятся к оспопрививанию очень недоверчиво, считают грехом прививать оспу своим детям («антихристова печать») и оставляют их на жертву оспы» [1, с.185–186]. В 1881 г. она в станице Донецкой «поражала малюток» и даже взрослых, поскольку тех не привили в свое время, в 1886 г. здесь вновь наблюдалась большая смертность детей от эпидемии «гнилой оспы» [53, с.564]. В ноябре и декабре 1882 г., когда в губернии свирепствовала оспенная эпидемия, казаки Брединского поселка также потеряли «очень много детей» [12, с.727].

Последние годы XIX в. показали связь оспенных эпидемий с продовольственной безопасностью губернии. Иммуитет ее жителей, после недородов конца 1880-х гг. и Великого голода 1891–1892 гг., стал добычей не только холеры, но и многих других инфекций, в том числе оспы. В 1892 г. было зафиксировано почти 3 тыс. больных ею, что оказалось ниже только сильнейшей вспышки 1882 г. Однако смертность от оспы во время голодовок стала выше – умерло 1210 человек, следовательно 41,4%. В станице Донецкой следующий, 1893 г., оставался еще «тяжелым для малюток» и привел к большой смертности детей, в частности и от оспы [53, с.566]. Затем заболеваемость пошла на спад, составив в 1896 г. по губернии всего 564 человека, однако в 1899 г. после сильного голода предыдущего года последовал ее подъем до 1317 человек [24, с.38; 39, с.47]. П.Чижев указывал: зимой 1898–1899 гг. в Гнездовском приходе Оренбургского уезда «много малюток умерло от оспы» [52, с.591].

Вакцинация же на фоне флуктуаций в развитии эпидемий уверенно росла, достигнув в 1895 г. почти 45 тыс. человек, а в 1899 г. перешагнув рубеж в 50 тыс. (51206 человек) [23, с.48; 39, с.47]. Процент неудачных прививок, конечно, мог повышаться, но не на много – например, в голодный 1892 г. он возрос до 3,35% [расчет по: 22, с.41]. К началу XX в. губерния полностью завершила переход на оспенный детрит. Если в 1891 г. медицинский департамент МВД сообщал, что для прививок здесь используют как гуманизированную лимфу, так и детрит, который получали из губернского центрального телятника (а на следующий год стали выписывать еще из г. Самары), то в 1899 г. местная администрация заявляла, что «для вакцинации употреблялся исключительно оспенный детрит, который приготавливался в губернском центральном телятнике, содержанием на средства губернского земского сбора». В 1902 г. его производительность исчислялась 2304 баночками детрита, который был снят с 17 привитых телят [2, с.143; 31, с.156; 39, с.47; 42, с.21].

Обретение надежного и массового материала для вакцинации все больше превращало ее в меру предупреждения эпидемий – о чем говорит и развитие ревакцинации, которая из единичных случаев выросла в губернии до статистически значимого явления, завершив тем самым формирование

набора показателей по учету иммунопрофилактики. Его составляли данные о количестве новорожденных в сравнении с числом поставленных, неудачных и повторных прививок. В 1902 г. ревакцинировали 1811 человек, в 1909 г. – 5138 (преимущественно учащихся) [40, с.40; 41, с.36]. Однако по причине идеологических и организационных недостатков российской системы иммунизации всегда находилось достаточное количество непривитых, служивших резервуаром для новой вспышки инфекции. Хотя с началом XX в. и в этих вопросах в Оренбургской губернии наметились улучшения. Согласно наблюдениям П.Чижева, переселенцы на хуторах Екатериновского прихода Оренбургского уезда уже сами «высказывали нужду в оспопрививателе» и, не дождавшись медицинской помощи (фельдшер до них не доезжал), вынуждены были «неумелыми руками, сняв натуральную оспу с овцы или коровы, прививать ее детям». Неловко сделанный надрез извлекал из руки младенцев «слишком много крови, струйка которой препятствовала пройти внутрь прорезанной ранки прививаемому средству». От «плохой оспы и доморощенной операции» дети долго болели и нередко заражались натуральной оспой. От нее, по словам Чижева, «много здесь малюток умирает преждевременно, а иные становятся слепыми» [51, с.205].

Удалось сломить упорное сопротивление прививкам в заштатном городе Оренбургской губернии – Илецке. В 1887 г. в отчете медицинского департамента МВД приводили его в качестве примера населенного пункта, жители «которого уже несколько лет отказываются от вакцинации и сильно страдают от оспы», а через пять лет констатировали: «В г. Илецкой Защите оспопрививание совсем не производилось» [30, с.51]. Бытописатель города П.Чижев признавал сложившееся положение и называл его причину: «В разное время низшее сословие много лишилось малюток от заболевания оспой, не предупреждая эту болезнь прививкой, что почитают за величайший грех и называют печатью антихриста». Однако он считал, что «с распространением грамотности это поверие мало по малу слабеет», уменьшая процент умирающих от оспы» [50, с.534]. Аналогичные процессы намечались в среде местного казачества. В 1905 г. А.Лоскутов отмечал: В Уральском казачьем войске еще недавно «почитали за великий грех такие благодетельные для человечества вещи, как привитие оспы» [16, с.601]. А по отделам Оренбургского казачьего войска вакцинация развивалась неравномерно: традиционно запаздывал третий – Троицкий, в котором, по сравнению с первым – Оренбургским, где в 1908 г. привили 87,4% всех новорожденных, и вторым – Верхнеуральским, где в 1909 г. удалось поставить прививки даже 89,7% родившимся, вакцинировали от 46,7 до 60% младенцев [33, с.75; 34, с.74].

На фоне позитивных изменений в восприятии вакцинации росло число привитых: в 1906 г. оно перевалило за 55 тыс. человек. Однако в следующем году этот показатель удалось превзойти почти в 2,5 раза и сделать более 134 тыс. прививок (максимум досоветского периода) [44, с.26; 45, с.30]. Происходило это в условиях роста заболеваемости и активизации (в

связи и с этим) иммунопрофилактики, особенно в столице губернии. В 1907 г. в связи с учреждением в г. Оренбурге должности специального санитарного врача заведение оспопрививанием перешло к нему: вводилась карточная регистрация вакцинаций, между тремя городскими оспопрививателями разделили окраины, обход домов непривитых должен был совершаться 2 раза в год (весной и осенью), также они должны были прививать всех не получивших вакцину детей.

В остальное время они работали «во всех пожарных и полицейских частях, в доме неимущих, в ассенизационном обозе, во всех приютах и школах, а также во всех домах, где появлялись случаи оспы в течение года и по соседству с этими домами». Лечебные учреждения города также продолжали заниматься вакцинацией. Детрит в расчете на всю губернскую столицу выписывал и хранил у себя санитарный врач, предпочитая заказывать его небольшими партиями (чтобы иметь всегда свежим) в орловском телятнике С.К. Живописцева (считавшемся лучшим в России) и признавая его качество «превосходным». Преобразование в организации иммунопрофилактики позволило в разы (даже по сравнению с последним нереволуционным 1904 г.) увеличить в городе количество поставленных прививок: с 2525 до 6750 [32, с.5, 12, 26–27].

В губернии же 1907 год по данной инфекции оказался весьма неблагоприятным. Санитарный врач г. Оренбурга отмечал: «...оспа... в текущем году уносит так много жертв в других городах и селениях...». По сведениям медицинского департамента МВД, в губернии их число составило 1569 смертей, а в следующем году – 14499 [45, с.4; 46, с.4]. Цифры, конечно, были меньше показателей начала века, когда в 1902–1904 гг. от инфекции умирало от 2428 до 2964 человек, но в довоенное время это оказался последний подъем смертности от оспы, которая в дальнейшем не поднималась выше 539 человек (данные 1913 г.) [42, с.4; 43, с.4; 48, с.4]. «В виду опасности появления эпидемии» в столице губернии, врач настоял, чтобы «оспа была привита поголовно всем учащимся в 17 городских приходских училищах и церковно-приходских». Весной полностью привили учеников мужских и женских мусульманских школ. Осенью, чтобы подготовиться к эпидемии следующего года, врач собирался усилить вакцинацию, предполагая «привить всех учащихся в городских училищах, ремесленном и всех средних учебных заведениях». В результате эпидемического порога по оспе Оренбург не перешел: «...оспенной эпидемии нет еще, может быть она еще до нас не дошла, может быть она не развилась у нас вследствие усиленного оспопрививания и вновь принятого порядка посылки оспопрививателей в дома, где появилась оспа, и в соседние с ними, благодаря которому заметно удавалось обрывать эпидемию с самого начала» [32, с.27].

Быстрое реагирование на единичные заболевания применяли и в 1910 г. Когда летом городской санитарный врач доложил о появлении в четвертой – окраинной – части города 2 случаев натуральной оспы, санитарная комиссия постановила: детей поместить в больницу, в школах, ко-

торые они посещали, произвести дезинфекцию, а также заверила: «...будет расклеено объявление, в котором сообщается населению, что в городе натуральная оспа и указывается, где можно бесплатно привить оспу» [36, с.30]. В санитарно-статистическом отчете Оренбурга за 1909 г. констатировался явный успех вакцинации и ревакцинации: «если натуральная оспа появляется, то она не может развиваться за неимением для нее материала», поскольку «весной делается прививание по дворам городскими оспопрививателями; наконец, осенью предохранительную оспу во второй раз прививают каждому поступающему в школу». Городское общественное управление с гордостью сообщало: «Оспопрививание производится у нас бесплатно во всех амбулаториях» – и собиралось в дальнейшем его совершенствовать [37, с.8]. Изменения в организации иммунопрофилактики происходили и в Оренбургском казачьем войске. Там отказались от оспопрививателей и к 1911 г. вакцинирование под надзором врачей перешло к фельдшерам, которые занимались им 2 раза в год (весной и осенью). За каждую удачную прививку из станичных сумм им в виде премии начислялось 15–20 коп. [35, с.77].

Медицинское сообщество России давно ратовало за введение обязательного оспопрививания. В санитарно-статистическом отчете г. Оренбурга по этому поводу указывалось: «...натуральная оспа, уничтожающая наши северные народности, в прежнее время также уносила очень много жизней во всей Европе; теперь в целом ряде государств нет почти совсем натуральной оспы, так как борьба с ней сделалась задачей государственной, введено обязательное оспопрививание, и оспы не стало» [37, с.8]. Золотой стандарт такой государственной системы к тому времени включал закон об обязательном оспопрививании новорожденных и ревакцинацию с опорой на всеобщее начальное обучение с поступлением в школу и всеобщую воинскую повинность с отправлением на военную службу. Центральный оспопрививательный институт курировал и контролировал свои филиалы на местах, поставлял им маточный детрит. Телят перед оспопрививанием обязательно проверяли на туберкулез и сап, а по снятии с них детрита вскрывали, чтобы не пропустить другие опасные заболевания. Готовый детрит для установления качества проходил три серии проверок: бактериологический посев, пробы на животных и прививку людям (как правило, воспитанникам детских домов). Пакет подобных законопроектов для России разработала междугосударственная комиссия по пересмотру врачебно-санитарного законодательства. Однако вместо них 21 июня 1914 г. принимаются новые Правила (или Положение), по которым были обязаны вакцинироваться значительные группы населения: с 1916 г. прививку требовали поставить всем лицам, «состоящим на государственной и общественной службе и поступившим в частные учебные заведения, для всех постоянных заводских фабричных и промышленных рабочих» [14, с.1].

С лета 1914 г. оспопрививание губернии развивалось в изменившихся условиях – законодательные новшества и вступление России в Первую

мировую войну, – воздействовавших на него весьма неоднозначно. С одной стороны, молодое оренбургское земство в смету 1916 г. заложило средства на устройство собственного телятника, поскольку было обязано бесплатно прививать перечисленный Правилами контингент. С другой стороны, вакцинация всегда являлась затратным, с точки зрения финансовых и людских ресурсов, мероприятием, результаты которого в Оренбуржье нуждались в дальнейшем укоренении. Земцы оценивали их достаточно трезво: несмотря на «все более и более проникающего в народ убеждения пользы этой меры», легко потерять и ту «малую веру в пользу привития оспы, какая есть в населении, да и матери почти поголовно сопротивляются против повторности прививки оспы грудным детям» [14, с.1–2]. Последнее замечание подтверждается и статистикой неудачных прививок, доля которых в XX в. возросла, и процент удачных не поднимался выше 93,2% (показатель 1909 г.), а в 1914 г. вообще упал до 77,2% [расчет по: 47, с.30–31; 49, с.62–63]. При перенаправлении же всех средств на нужды фронта потенциал созданной к тому времени региональной системы иммунопрофилактики заметно сокращался, а риски заноса инфекции и ее распространения, напротив, возрастали.

Оренбург – как и другие крупные города страны – стал местом формирования воинских контингентов, а скопление мобилизованных усугубляло эпидемиологическую обстановку в нем. Старший врач губернской земской больницы в марте 1915 г. информировал свое начальство о том, что «за последние дни резко поднялось количество больных с острозаразными заболеваниями и барак, очищенный от сыпнотифозных..., пришлось заполнять больными корью, скарлатиной и оспой». Отказать им медики не могли, поскольку все они «доставлялись из общежития для военнообязанных и в очень тяжелом состоянии» [4, с.48]. Появившиеся в Оренбуржье в связи с войной новые группы населения – интернированные, беженцы – также вносили свой вклад в повышение заболеваемости. 23 апреля 1915 г. оспа появилась «среди военнообязанных, проживающих в гор. Илецкая Защита», а именно у 2 «австрийскоподданных», 27 апреля там же «вновь заболела натуральной оспой военнообязанная германская подданная Анна Куршиц, 10 лет отроду». Наряду с Илецком давали о себе знать и другие «старые» оспенные очаги губернии. Земский врач Сухоборского медицинского участка Челябинского уезда сообщал, что на 1 мая 1915 г. в селе Журавлиная слобода Кочердыкской волости насчитывалось 15 больных, и все из семей старообрядцев, «так как они по своим религиозным убеждениям отказывались от производства оспенных прививок их детям» [5, с.55–56]. 7 июня в деревне Белоноговой Косулинской волости – еще одном центре староверия, находившимся в ведении уже Становского медицинского участка того же уезда – врачам было известно о 3 случаях заболевания оспой [7, с.32]. Затем она начала расползаться по участку, и 26 июня первый случай заболевания ею случился в с. Косолаповом Становской волости [6, с.62]. В дальнейшем заболевшие встречались здесь до

глубокой осени: 29 сентября в деревне Цыплятниковой насчитали 8 заразившихся детей, 30 октября в деревне Световой – 2 [8, с.50–51].

Ухудшение эпидемиологической ситуации началось в 1915 г., но пока оспа вела себя типично: подъемы заболевания наблюдались в начале весны (санитарный отдел оренбургского губернского земства насчитал в феврале 118 случаев, а в марте – 153) [3, с.21; 4, с.57] и в конце осени. Тогда случилась самая сильная за все военное время (до революционного 1917 г.) вспышка: в ноябре болело 544 человека, в декабре – 553 [9, с.38, 60]. В 1916 г. эпидемическая волна пошла на спад, но в этот год сменилось привычное распределение заболеваемости по сезонам: весенние показатели не упали летом, а сохранили свои значения – с мая по август они не опускались ниже 300 человек, а пик (вместо обычного спада) наблюдался в июле, когда заразилось 368 человек [10, с.26, 50; 11, с.72, 96]. Среди оспенных очагов «Врачебно-санитарная хроника» Оренбургского земства постоянно называет саму губернскую столицу, Илецкую Защиту, старообрядческие волости Челябинского уезда (Становскую, Сухоборскую, Птиченскую, Чумлякскую, Старо-Кочердыкскую, Косулинскую), населенные «инородцами» Усерганские и Бурзянские волости Орского уезда и основанные на его территории переселенческие хутора, а также крупные заводские поселения Верхнеуральского и Троицкого уездов (Тирлянский, Белорецкий, Авзяно-Петровский, Миасский заводы). Суммировав (хотя и неполные) данные об оспопрививании из «Врачебно-санитарной хроники» оренбургского земства за 1915 г., получаем около 40 тыс. привитых – показатель ниже достигнутого даже в конце XIX в. Нарушился и календарь профилактических прививок с максимумами в весенние и осенние месяцы – вакцинация не предшествовала, а все больше следовала за годовым ходом эпидемии. Весной 1915 г. ее график еще совпадал с весенним временем: в марте было привито 8452 человека, в апреле – 5561, в мае – 5745, а осенний период на фоне эпидемии ноября-декабря месяцев практически теряется: в сентябре поставили 1212 прививок, в октябре – 4364, в ноябре – 3231, в декабре – 4772 [расчет по: 4, с.68–73; 5, с.76–79; 6, с.80–85; 8, с.68–73, 90–95, 9, с.48–53, 70–75]. Однако полностью ход прививочной кампании подчинился течению эпидемии в 1916 г.: для этого достаточно сравнить число вакцинаций в июле 1915 г., когда привили всего 183 человека, с количеством привитых в июле 1916 г. – 2365 человек [расчет по: 7, с.56–59; 11, с.82–87]. О быстром реагировании в Оренбурге на единичные случаи заражения оспой и отсутствии в губернской столице «материала» для развития эпидемии пришлось забыть на фоне того, что за ноябрь-декабрь 1915 г. в ее больницах с этим диагнозом перебивало 240–358 человек, а в июле-августе 1916 г. – 266–293 [9, с.33, 55; 11, с.65,91].

Вакцина против оспы была первой в истории человечества, на ней методом проб и ошибок люди постигали сложности иммунопрофилактики. Возникновение Оренбургской губернии в пореформенных границах совпало с первым большим кризисом в восприятии этого явления, приведшим к смене гуманизированной лимфы животными вакцинами. По-

скольку она находилась на глубокой периферии этого процесса (не имела, например, в отличие от Казанской губернии в годы разработки технологии получения оспенного детрита, научных подразделений и даже телятников), то переход на новый прививочный материал на ее территории затянулся, практически совпав с концом XIX в. Обретение надежного и массового препарата для прививок способствовало возвращению оспопрививания в разряд мероприятий по профилактике эпидемий, однако в России не спешили законодательно вводить обязательную вакцинацию, а стремились улучшить ее организацию (к подобным мерам в начале XX в. на изучаемой территории следует отнести совершенствование оспопрививания в Оренбурге, переход его к фельдшерам и врачам в Уральском казачьем войске, а во всей губернии после 1912 г. – к земству), а также снижать число антипрививочников. В Оренбургской губернии, благодаря продолжающемуся процессу ее колонизации и «разноплеменности населения», антиваксеры оказались особенно разнообразными и многочисленными: к ним относились переселенцы, инородцы, казачество, но наиболее агрессивными оставались старообрядцы. В годы Первой мировой войны наряду с ними эпидемиологическую обстановку осложнили интернированные лица и беженцы. Военное время вообще стало испытанием для иммунопрофилактики, которая могла демонстрировать эффективность при хорошем финансировании и крупных трудозатратах медицинского персонала. Дефицит того и другого привел к преодолению инфекцией эпидемиологических порогов в 1915 г. и изменению даже сезонности эпидемий в 1916 г. Система оспопрививания в своем развитии откатилась в губернии назад.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в 2-х томах. Т.1. Уральск: Типография Уральского казачьего войска, 1891. 947 с.
2. Врачебно-полицейский (санитарный отдел) // Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1896. С.1–179.
3. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за февраль месяц 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 36 с.
4. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за март месяц 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 73 с.
5. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за апрель месяц 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 79 с.
6. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за май и июнь месяцы 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 109 с.
7. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за июль месяц 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 59 с.
8. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за сентябрь и октябрь месяцы 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 95 с.

9. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за ноябрь и декабрь месяцы 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 75 с.

10. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за май и июнь месяцы 1916 г. Оренбург: [б.и.], 1916. 65 с.

11. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за июль и август месяцы 1916 г. Оренбург: [б.и.], 1916. 111 с.

12. *Горбушин М.* Брединский поселок (Историко-статистический очерк) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1908. №35–36, неоф. С.712–727.

13. *Горбушин М.* Раскол в Костылевском приходе Челябинского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1899. №15, неоф. С.575–584.

14. Доклад об открытии губернского оспенного земского телятника // Доклады оренбургской губернской земской управы 3-й очередной сессии губернского земского собрания. Оренбург: Электро-Типография Тург. обл. правл., 1916. С.1–4.

15. *Литуновский Н.И.* Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М.: Типография Т.Рис, 1878. 235 с.

16. *Лоскутов А.* Современное состояние приходов в Уральском казачьем войске // Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. №19, неоф. С.601–606.

17. Меры против оспы // Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. №1, неоф. С.45–46.

18. *Невский И.* Село Слоновка Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. №17, неоф. С.658–663.

19. Обзор Оренбургской губернии за 1887 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: губернская типография. [1888]. [2], 50, [49] с.

20. Обзор Оренбургской губернии за 1888 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: губернская типография. [1889]. 58, [49] с.

21. Обзор Оренбургской губернии за 1889 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: губернская типография. [1890]. [2], 44, [49] с.

22. Обзор Оренбургской губернии за 1892 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: губернская типография. [1893] [2], 52, [49] с.

23. Обзор Оренбургской губернии за 1895 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1896. [2], 62, [117] с.

24. Обзор Оренбургской губернии за 1896 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1896. [4], 46, [89] с.

25. Отчет медицинского департамента за 1877 г. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1878. 217, III с.

26. Отчет медицинского департамента за 1878 г. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1880. III, 223, 48 с.

27. Отчет медицинского департамента за 1879 г. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1881. 407 с.

28. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1881 г. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1884. 619 с.

29. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1882 г. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. 803 с.

30. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1887 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1889. III, XV, 337 с.

31. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1891 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1894. [11], 159, 305 с.

32. Отчет о деятельности оренбургского городского санитарного врача за 1907-й год. Оренбург: Паровая типо-литография Дворжец, 1908. – 38 с.

33. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 год. Часть гражданская. Оренбург: Типография Д. Мазина, 1909. 110, XVII с.

34. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1909 год. Часть гражданская. Оренбург: Типография Д. Мазина, 1910. 114, XXI с.

35. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1911 год. Часть гражданская. Оренбург: Типография А.Н. Гаврилова, 1912. 125 с.

36. Протокол заседания санитарной комиссии // Известия оренбургского городского общественного управления. 1910. №7. С.30.

37. Санитарно-статистический отчет по г. Оренбургу за 1909 г. // Известия оренбургского городского общественного управления. 1910. №9. С.1–10.

38. *Синицкий Д.* Наставление пастыря сельским прихожанам по случаю оспенной эпидемии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. №18, неоф. С.703–708.

39. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1899 год. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1900. [2], II, 53, [99] с.

40. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1902 год. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1903. [2], II, 45, [109] с.

41. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1909 год. Оренбург: Типография губернского правления, 1910. [2], II, 42, [9] с.

42. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1902 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1904. С.1–225.

43. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1904 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1906. С.1–243.

44. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1906 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1908. С.1–257.

45. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1907 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1909. С.1–269.

46. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1908 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1910. С.1–273.

47. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1909 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1911. С.1–267.

48. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1913 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1915. С 1–333.

49. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1914 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1916. С.1–211.

50. *Чижев П.* Город Илецкая защита // Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. №15, неоф. С.528–536.

51. *Чижев П.* Передвижные школы Екатериновского прихода Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1902. №5, неоф. С.204–209.

52. *Чижев П.* Приход Михаило-Архангельской церкви села Гнездовки Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1899. №15, неоф. С.584–591.

53. *Чижев П.* Станица Донецкая // Оренбургские епархиальные ведомости. 1908. №25–26, неоф. С.553–568.

Информация об авторе:

Голикова Светлана Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8272-4763; e-mail: avokilog@mail.ru

Поступила 21.04.2023

Принята к публикации 10.07.2023

Smallpox vaccination in the Orenburg province

S.V. Golikova

*Institute of History and Archaeology
of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russian Federation*

Author studies the history of smallpox vaccination in the Orenburg province of the second half of the 19th – early 20th centuries. Vaccination is considered against the background of the incidence of smallpox. The development of Immunization on this eastern outskirts was characterized by positive (albeit unstable) dynamics and slower pace than in European Russia. The reasons for this situation were covered in organizational troubles and lay in the presence of anti-vaxxer groups (non-russians («inorodcy»), Cossacks, Old Believers («staroobryadcy»), migrants). The First World War negatively affected the results of immunization and the development of smallpox epidemics in the region.

Keywords: vaccination, epidemic, immunization, smallpox, smallpox detritus, Orenburg province

For citation: Golikova S.V. Smallpox vaccination in the Orenburg province. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.* 2023, vol.13, no.3, pp.60–77. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.60-77> (In Russian)

REFERENCES

1. Borodin N. Ural Cossack army. Statistical description in 2 volumes. Vol.1. Uralsk: Ural Cossack army Publ., 1891. 947 p. (In Russian)
2. Medical-police (sanitary department). *Report of the medical department of the Ministry of the Interior for 1892*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1896, pp.1–179. (In Russian)
3. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of February 1915*. Orenburg, 1915. 36 p. (In Russian)
4. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of March 1915*. Orenburg, 1915. 73 p. (In Russian)
5. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of April 1915*. Orenburg, 1915. 79 p. (In Russian)
6. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of May and June 1915*. Orenburg, 1915. 109 p. (In Russian)
7. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of July 1915*. Orenburg, 1915. 59. (In Russian)
8. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of September and October 1915*. Orenburg, 1915. 95 p. (In Russian)
9. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of November and December 1915*. Orenburg, 1915. 75 p. (In Russian)
10. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of May and June 1916*. Orenburg, 1916. 65 p. (In Russian)
11. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of July and August 1916*. Orenburg, 1916. 111 p. (In Russian)
12. Gorbushin M. Settlement of Bredy (Historical and statistical essay). *Orenburg diocesan sheets*. 1908, no.35–36, pp.712–727. (In Russian)
13. Gorbushin M. The split in the Kostylev parish of the Chelyabinsk district. *Orenburg diocesan sheets*. 1899, no.15, pp.575–584. (In Russian)
14. Report on the discovery of the provincial smallpox zemstvo calf. *Reports of the Orenburg provincial zemstvo council of the 3rd regular session of the provincial zemstvo assembly*. Orenburg: Turgai Regional Board Publ., pp.1–4. (In Russian)
15. Litunovskij N.I. *Medical topographic description of the Orenburg province*. Moscow: T. Ris Publ., 1878. 235 p. (In Russian)
16. Loskutov A. The current state of the parishes in the Ural Cossack army. *Orenburg diocesan sheets*. 1905, no.19, pp.601–606. (In Russian)
17. Measures against smallpox. *Orenburg diocesan sheets*. 1873, no.1, pp.45–46. (In Russian)
18. Nevskij I. Slonovka village, Orenburg district. *Orenburg diocesan sheets*. 1898, no.17, pp.658–663. (In Russian)

19. Review of the Orenburg province for the year 1887. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor. Orenburg: Provincial Publ., [1888]. [2], 50, [49] p. (In Russian)

20. *Review of the Orenburg province for the year 1888. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor.* Orenburg: Provincial Publ., [1889]. 58, [49] p. (In Russian)

21. Review of the Orenburg province for the year 1889. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor. Orenburg: Provincial Publ., [1890]. [2], 44, [49] p. (In Russian)

22. *Review of the Orenburg province for the year 1892. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor.* Orenburg: Provincial Publ., [1893] [2], 52, [49] p. (In Russian)

23. *Review of the Orenburg province for the year 1887. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor.* Orenburg: Provincial Publ., [1888]. [2], 50, [49] p. (In Russian)

24. *Review of the Orenburg province for the year 1895. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor.* Orenburg: Provincial Administration Publ., 1896. [2], 62, [117] p. (In Russian)

25. *Report of the medical department for 1877.* St. Petersburg: M. Stasjulevich Publ., 1878, 217, III p. (In Russian)

26. *Report of the medical department for 1878.* St. Petersburg: M. Stasjulevich Publ., 1880. III, 223, 48 p. (In Russian)

27. *Report of the medical department for 1879.* St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1881. 407 p. (In Russian)

28. *Report of the medical department of the Ministry of the Interior for 1881.* St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1884. 619 p. (In Russian)

29. *Report of the medical department of the Ministry of the Interior for 1882.* St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1885. 803 p. (In Russian)

30. *Report of the medical department of the Ministry of the Interior for 1887.* St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1889. 337 p. (In Russian)

31. *Report of the medical department of the Ministry of the Interior for 1891.* St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1894. [11], 159, 305 p. (In Russian)

32. *Report on the activities of the Orenburg city sanitary doctor for the year 1907.* Orenburg: Dvorzhec Publ., 1908. 38 p. (In Russian)

33. *Report on the state of the Orenburg Cossack army for 1908. Part of the civil.* Orenburg: D. Mazin Publ., 1909. 110 p. (In Russian)

34. *Report on the state of the Orenburg Cossack army for 1911. Part of the civil.* Orenburg: tip. D. Mazin Publ., 1910. 114 p. (In Russian)

35. *Report on the state of the Orenburg Cossack army for 1908. Part of the civil.* Orenburg: A.N. Gavrilov Publ., 1912. 125 p. (In Russian)

36. Minutes of the meeting of the sanitary commission. *News of the Orenburg city public administration.* 1910, no.7, p.30. (In Russian)

37. Sanitary and statistical report on the city of Orenburg for 1909. *News of the Orenburg city public administration.* 1910, no.9, pp.1–10. (In Russian)

38. Sinickij D. The Pastor's Instruction to the Rural Parishioners on the Occasion of the Smallpox Epidemic. *Orenburg diocesan sheets.* 1873, no.18, pp.703–708. (In Russian)

39. *Statistical review of the Orenburg province for 1899*. Orenburg: Provincial Administration Publ., 1900. [2], II, 53, [99] p. (In Russian)

40. *Statistical review of the Orenburg province for 1902*. Orenburg Provincial Administration Publ., 1903. [2], II, 45, [109] p. (In Russian)

41. *Statistical review of the Orenburg province for 1909*. Orenburg: Provincial Administration Publ., 1910. [2], II, 42, [9] p. (In Russian)

42. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1902*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1904. Pp.1–225. (In Russian)

43. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1904*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1906. Pp.1–243. (In Russian)

44. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1906*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1908. Pp.1–257. (In Russian)

45. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1907*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1909. Pp.1–269. (In Russian)

46. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1908*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1910. Pp.1–273. (In Russian)

47. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1909*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1911. Pp.1–267. (In Russian)

48. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1913*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1915. Pp.1–333. (In Russian)

49. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1914*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1916. Pp.1–211. (In Russian)

50. Chizhev P. City of Iletsk defense. *Orenburg diocesan sheets*, 1903, no.15, pp.528–536. (In Russian)

51. Chizhev P. Mobile schools of the Ekaterinovskiy parish of the Orenburg district. *Orenburg diocesan sheets*, 1902, no.5, pp.204–209. (In Russian)

52. Chizhev P. Parish of the Archangel Michael Church in the village of Gnezdovka, Orenburg district. *Orenburg diocesan sheets*, 1899, no.15, pp.584–591. (In Russian)

53. Chizhev P. Stanitsa Donetska. *Orenburg diocesan sheets*, 1908, no.25–26, pp.553–568. (In Russian)

About the author:

Golikova Svetlana Viktorovna – Dr. Sci. (history), Leading Researcher of the Center for Political and Socio-Cultural History, Institute of History and Archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8272-4763; e-mail: avokilog@mail.ru

Received April 21, 2023

Accepted for publication July 10, 2023